его тему и соответствия между темой и текстом[2]. Тема отдельного произведения, на наш взгляд, должна браться в контексте всего творчества автора, складываясь из компонентов двоякого рода: постоянных, т. е. характерных для всего поэтического мира автора, и специфических, т. е. отличающих рассматриваемый текст от других текстов того же автора. Тема в целом — как бы результат перевода специфических проблем и обстоятельств (так сказать, занимающих автора в данный момент) на язык его постоянных тем и мотивов.

При таком подходе анализу интересующего нас стихотворения должно быть предпослано описание поэтического мира Пушкина,— описывать стихотворение безотносительно к постоянным мотивам, образующим поэтический мир его автора,— все равно что разбирать предложение, игнорируя грамматику того языка, на котором оно написано. Однако это требование почти невыполнимо — не только по соображениям краткости, но и потому, что задача разработки подобного описания вообще еще только ставится пушкиноведением. Поэтому мы ограничимся беглым наброском нужной нам картины, заранее извиняясь за сугубо экспериментальный характер предлагаемого описания, за индивидуальную необязательность того (нашего) прочтения Пушкина, которое взято в качестве объекта этого описания, за неизбежное — при установке на эксплицитность делаемых утверждений — выпячивание рассматриваемых свойств объекта и, наконец, за невозможность как следует проиллюстрировать и прояснить наши утверждения путем обильного цитирования поэта и писавших о нем. Аналогичные оговорки следует сделать и по поводу прочтения и описания данного стихотворения.

Постоянные мотивы

Можно ли указать какую-то единую тему, стоящую за пушкинскими текстами? Иначе говоря, сформулировать некоторую достаточно абстрактную, но постоянную содержательную величину или конструкцию, воплощенную — пусть каждый раз по-иному и в различных аспектах и ракурсах — в самых разных пушкинских образах, ситуациях, строчках и оборотах речи. Напомним некоторые из них: финал «Песни о вещем Олеге» (*Мне смертию кость угрожала. . . .*); *тяжело-звонкое скаканье* медного всадника; конец «Обвала» (*И путь по нем широкий шел. . . Где ныне мчится лишь Эол. . .*); *дева над вечной струей*; *младая жизнь*, играющая *у гробового входа*; любовные свидания Дон Гуана с Лаурой и Доной Анной; любовь Татьяны к Онегину и ее верность *другому*; проповедь равнодушия к толпе, *колеблющей треножник* поэта; восхищение *пышным природы увяданьем* и *чахоточной девой*, но также и тем, как *дева русская свежа в пыли снегов*; символы бурной свободы (гроза, море; *разрушьте гибельный оплот*; *поэтический побег*; *давай улетим* и т. п.); постоянные мечты о *покое и воле* (*вольность и покой*; *покойна и вольна*; *покоя сердце просит. . .*); сцены типа *Идет. Ему коня подводят. . . И мчится в прахе боевом. . .* или *Стоит Истомина. . . И вдруг прыжок, и вдруг летит. . .*; *однообразная красивость* стройно зыблемых *пехотных ратей и коней*; *беззаконная комета в кругу расчисленном светил*; *волна и камень, стихи и проза, лед и пламень*; *О дева-роза, я в оковах*; *Но не стыжусь твоих оков. . .*; *в неволе сладостной живет. . .*; *в сиянии и в радостном покое. . .*; *в печальном сладострастьи. . .*; *с отрадой, хоть печальной. . .*; *полупрозрачная наляжет ночи тень. . .*; *веселья зритель равнодушный. . .*; *тебя люблю я вновь и без надежд, и без желаний*; и т. д. Разумеется, нашу «сборную цитату» (выражение А. Белого) из Пушкина можно было бы продолжать до бесконечности или вообще составить из других, не менее представительных фра-

[2] См. *Жолковский А. К., Щеглов Ю. К.* К понятиям «тема» и «поэтический мир».— Труды по знаковым системам. VII. «Уч. зап. Тартуского гос. ун-та», 1975, с. 143—167 (там же подробнее и о других понятиях, используемых в настоящей статье).